

Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына

А. В. Лавров, Р. Д. Тименчик. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях
Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Ленинград, "Наука", 1983.
OCR Бычков М.Н.

<I>²⁰⁵

Центральной линией педагогической службы отца являлось, конечно, многолетнее директорство его в средних учебных заведениях. Совсем еще молодым, прямо из преподавателей, он был назначен директором Киевской Коллегии Павла Галагана, затем -- директорство в 8-й петербургской гимназии и наконец -- в Царскосельской -- всего свыше 16 лет.²⁰⁶

Первые годы этой деятельности, т. е. киевская служба, не были особенно счастливы. В коллегии Павла Галагана отец с его взглядами, научными интересами и тяготениями пришелся не ко двору. Я был в то время еще слишком мал, чтобы вполне осознавать все особенности и неприятности этой службы, тем более что внешне все было очень гладко и хорошо, но даже и я иногда чувствовал, что здесь мы, в целом, вообще чужие.²⁰⁷ Коллегия была ультрашовинистична. И это густое, упорное, квасное украинофильство до известной степени определяло ее быт. Эта струя, отцу совершенно чуждая и даже неприятная, густо текла и в преподавательском, и в ученическом составе. Т. е., может быть, она и не была так густа, но "украинцы" были настойчивее и упорнее остальных и до такой степени окрашивали в свои цвета остальную массу, что в конце концов даже люди с немецкими, еврейскими, польскими и др. отчествами и фамилиями начинали стилизовать себя под матерых украинцев. Главное же было, конечно, в том, что это квасное украинство имело прочную основу на самых верхах Коллегии. Такою была ее почетная попечительница Ек. Вас. Галаган (рожд. Дараган), основавшая вместе со своим покойным мужем это учебное заведение в память сына, Павла, умершего в юношеском возрасте.²⁰⁸ Я положительно утверждаю, что никакими "антиукраинскими" действиями отец себя не проявлял, но для приспешников и напештывателей почетной попечительницы Анненский был виноват уже тем, что был великороссом (первым директором был Ничипоренко,²⁰⁹ преемником отца -- Дудка-Степович),²¹⁰ -- проникнутый украинско-шовинистическим духом, естественно, не мог уже по самому культурному уровню своему и при всем уважении к национальному творчеству все же не ставил в вину Гоголю, что тот писал по-русски, а Пушкина все же предпочитал Котляревскому.²¹¹ Как бы то ни было, но подводное течение против отца началось довольно скоро. {Далее помета Кривича: Письмо Аничкова²¹²}

Полною противоположностью была служба в 8-й гимназии. Здесь можно было говорить на своем языке. Здесь отца понимали, а педагогические взгляды его не шли вразрез ни с какими "местными установками". Среди учительского состава был ряд превосходящих педагогов и вообще незаурядных людей, как например инспектор математики К. В. Фохт,²¹³ историк и географ А. А. Ешевский,²¹⁴ известный путешественник и знаток русского Севера, вносивший в свои уроки подлинно живую струю, и др. Были, конечно, и "люди в футлярах", но они не играли никакой роли, в работе своей в общем шли в ногу с другими, да к тому же были по своей профессиональной линии прекрасными техниками.

Было и еще здесь одно косвенно счастливое обстоятельство. В 8-ю гимназию отец был послан после Я. Г. Мора,²¹⁶ человека малообразованного и даже до конца своих дней не научившегося как следует говорить по-русски (он был из "навозных" немцев), черствого, безжалостного к ученикам и формально, "по-начальнически" державшего себя с учителями, ставившего чуть не в центр гимназического образования гимнастику на приборах и в результате заслужившего за всю многолетнюю жизнь только боязнь и дружную нелюбовь и педагогического, и ученического состава. Справедливость заставляет, однако, сказать, что внешне Мор поставил свою гимназию прекрасно. Образцовая чистота, порядок, дисциплинированность, растения на классных окнах, -- одним словом, вся прекрасная видимость. Это ничего, что директор совершенно легко мог спутать Добролюбова и Некрасова, кот^{орых} вообще едва ли и читал даже, что ученики это были для него не живые дети и юноши, а